

Дождя так и не было.

Вскоре тучи на горизонте рассеялись, и небо прояснилось.

В солнечную погоду зонтами интересуются меньше, но из-за того, что картины на зонтах, расписанных Хэ Чжэньшу, были особенно изящными и красивыми, они всё равно привлекали множество покупателей.

К полудню они продали десять масляных бумажных зонтов.

Результатом Хэ Чжэньшу был вполне доволен. Если он не ошибался, в прошлой жизни Пэй Ланьчжи и Чжоу Юань, когда ездили продавать зонты на рынок, тратили три-четыре дня, чтобы распродать всё.

А вот бамбуковые корзины и лукошки разошлись куда быстрее.

Руки у Пэй Ланьчжи были искусные, а бамбук — прочный и добротный, так что её изделия сразу бросались в глаза как высококачественные. Жаль только, что часть материала Хэ Чжэньшу израсходовал, когда учился плести, и готовых вещей осталось немного — семь больших и пять маленьких корзин.

Продав их всех, они получили триста десять монет. Вместе с десятью зонтами вышло две тысячи сто десять монет.

Возможно, потому, что в последнее время Хэ Чжэньшу всё яснее осознавал, как трудно бедняку заработать хоть что-то, эти две с лишним лян серебра казались ему уже весьма приличным доходом. Всё же такие удачи, как находка редких лекарственных трав, случаются не каждый день.

С этой мыслью он пересчитал мелкие монеты, аккуратно нанизал их на верёвочку одну за другой.

Пэй Чанлинь протянул ему кусочек просовой лепёшки. Хэ Чжэньшу, не имея свободных рук и не задумываясь, наклонился и прямо с его пальцев откусил.

Его губы скользнули по прохладным кончикам чужих пальцев.

Хэ Чжэньшу: «!»

Он резко поднял голову, наткнулся на взгляд Пэй Чанлиня — и мгновенно вспыхнул до кончиков ушей.

«Я, я... п-прости!» Он держал в обеих руках вещи и даже не догадался, что можно было их просто положить, а потом застыл на месте, не зная, что делать.

Пэй Чанлинь, впрочем, никак не отреагировал.

Он остался в прежней позе, опустил взгляд, лицо его оставалось спокойным:

«Ничего, ешь».

Сказав это, он даже чуть придвинул лепёшку ближе к губам Хэ Чжэньшу.

У того покраснела не только шея — даже кончики ушей загорелись. Он почти не смел смотреть на Пэя, но и не отстранился — просто, неуклюже, откусил ещё кусочек.

Эта лепёшка осталась с вчерашнего дня — Пэй Ланьчжи собрала им еду в дорогу. Лепёшки из проса получались мягче и нежнее, чем из обычной муки, с лёгкой сладостью, и даже спустя ночь не потеряли вкуса.

По улице вокруг ходили прохожие, и никто не заметил, что творится за маленьким прилавком.

Они больше не произнесли ни слова. Хэ Чжэньшу, всё ещё красный, медленно, по кусочку, доел лепёшку прямо с рук Пэй Чанлиня.

Поев, Хэ Чжэньшу сказал:

«Если к вечеру что-то ещё не продастся, тогда свернёмся и уедем, а завтра приедем снова.

Он уже оплатил место на утренний и дневной рынки; дневная торговля обычно заканчивалась к концу времени шэнь (15:00-17:00). Но он беспокоился о том, чтобы сводить Пэя Чанлина к врачу — в большом посёлке искать человека приходится долго, и если задержаться до вечера, можно так и не успеть.

Зато с непроданными масляными зонтами можно было не торопиться. В отличие от съестного, зонты не портились за сутки: если Пэй Чанлин действительно решит лечиться, им придётся остаться в городке несколько дней, за это время зонты наверняка всё продадутся.

Так он и рассуждал, но не успели они дождаться часа вэй (13:00-15:00), как к прилавку подошёл очередной покупатель.

Мужчина казался лет тридцати-сорока, широкоплечий, в богатом тёмно-индиговом шёлковом кафтане, на пальце — перстень. Судя по виду и манере ходить — человек зажиточный; он спокойно прошёл по рядам и тут же обратил на себя внимание многих.

«Господин, взгляните на одежду и шапки, тут и парч, и хлопок!» - кричали лавочники.

«Подешевле свечи и курильницы!» - подхватывали другие.

Все раскричались и забросали его приглашениями, а их с прилавка словно не существовало — стояла странная тишина.

Но богач не обращал внимания на соседей: он прямо подошёл к их прилавку.

«Молодой человек, сколько у тебя зонты стоят?» - по-доброму спросил он.

Хэ Чжэньшу ответил: «Сто восемьдесят юаней за штуку»

«Сто восемьдесят...» - мужчина взял один зонт, раскрыл и внимательно осмотрел рисунок на куполе. «Это всё ваш муж расписывал?»

Речь шла о Пэй Чанлине, сидевшем сзади.

В этих местах, где даже многие мужчины были неграмотны, никто бы не поверил, что шуаньер способен понимать живопись и каллиграфию. Поэтому почти все покупатели автоматически решали, что картины на зонтах нарисовал именно Пэй Чанлин. Подобные вопросы Хэ Чжэньшу за утро слышал уже десятки раз.

Как и прежде, он честно ответил:

«Это я рисовал».

Мужчина поднял голову и несколько секунд разглядывал его с удивлением, а затем в глазах его мелькнуло одобрение:

«Хорошо... хорошо, замечательно...»

Такое отношение немного смутило Хэ Чжэньшу, и он спросил:

«Вы хотите купить?»

«Конечно, хочу» - кивнул мужчина. «Только вот цена у тебя какая-то... не совсем подходящая».

Хэ Чжэньшу подумал, что тот собирается торговаться, но мужчина достал из-за пазухи кошель, вытряхнул на ладонь горку серебра и сказал:

«Так вот, я возьму все оставшиеся зонты». Он отсчитал несколько серебряных слитков и протянул их Хэ Чжэньшу: «По одной лян за каждый».

Один слиток равнялся одной лян; у мужчины в руках оказалось ровно семь лян — столько, сколько осталось зонтов.

Хэ Чжэньшу растерялся, не зная, стоит ли брать деньги. Даже Пэй Чанлинь, до этого сидевший с закрытыми глазами у телеги, открыл их и посмотрел на незнакомца.

«Господин, вы это...» - начал нерешительно Хэ Чжэньшу.

«Да возьми, считай, что завели знакомство» - с улыбкой сказал тот. «Фамилия у меня Ху, я держу лавку живописи и каллиграфии на Главной улице. Зови меня просто хозяин Ху».

Хэ Чжэньшу сразу вспомнил ту лавку — он видел её по пути сюда: самая людная улица в городке, просторное помещение, а внутри — сплошь свитки и картины.

Неудивительно, что этот человек выглядел таким состоятельным.

Но то, что человек назвал своё имя и место, наоборот, остудило голову Хэ Чжэньшу.

Он не взял серебро, протянутое хозяином Ху, и серьёзно сказал:

«Эти зонты не стоят таких денег. Вам не стоит так тратиться».

Ху-чангуй мягко усмехнулся:

«В торговом деле я сам знаю, чего стоит каждая вещь». Он сделал короткую паузу и добавил: «Но ты прав — сами зонты не стоят этой цены. Эти деньги — за твою живопись и каллиграфию».

Хэ Чжэньшу нахмурился:

«Что вы хотите сказать, хозяин Ху?»

«Ты парень прямой» - добродушно сказал тот. «Тогда и я не буду ходить вокруг да около. Такие картины и надписи — не место им на зонтам, которые покупают люди, не способные это оценить. Настоящее искусство нельзя растрачивать впустую».

Он наклонился чуть ближе и добавил:

«Если тебе интересно, можешь писать для моей лавки. Поверь, это куда выгоднее, чем всю жизнь торговать зонтами».

Хэ Чжэньшу промолчал.

Он долго стоял в раздумье и даже не заметил, как Пэй Чанлин спустился с повозки и подошёл к нему.

«Ашу, что случилось?» - тихо спросил Пэй.

«Ничего» - покачал головой Хэ Чжэньшу. Повернулся к хозяину лавки: «Благодарю за добрые слова, господин Ху, но я всего лишь деревенский супруг. Каллиграфией и живописью занимаюсь ради удовольствия, а не ради дела. Писать на заказ — не для меня».

Ху-чангуй прищурился, улыбка в уголках губ стала чуть глубже:

«Деревенский супруг? Не думаю». Он покачал головой: «Я редко ошибаюсь в людях. С таким талантом, как у тебя, юный господин, ты не должен пропадать среди уличной суеты. Не спеши с ответом. Подумай. Когда решишься — приходи ко мне в лавку».

Ху-чангуй согласился дать Хэ Чжэньшу несколько дней на раздумья, но всё же купил оставшиеся семь зонтов по высокой цене — якобы для того, чтобы показать, насколько он ценит талант и искренне хочет с ним сотрудничать.

Хэ Чжэньшу и Пэй Чанлин отвезли пустую тележку обратно во двор гостиницы, занесли вещи в номер, и, не успев даже немного отдохнуть, снова вышли на улицу.

Было ещё довольно рано, улицы кишели народом, стоял весёлый шум базара, но Хэ Чжэньшу шёл рассеянно, о чём-то задумавшись. Пройдя немного вперёд, он вдруг заметил, что Пэй Чанлин не идёт рядом. Обернувшись, он увидел, что тот остановился у прилавка с засахаренными фруктами на палочках.

Хэ Чжэньшу невольно вздохнул:

«...Вот уж не видел, чтобы взрослый мужчина так любил сладкое».

Он подошёл ближе, заметив, как Пэй уже расплатился и взял в руки янтарно-блестящий сахарный леденец. Хэ усмехнулся:

«Ну ты прямо как ребёнок: стоит отвернуться — уже сам себе лакомство купил».

Пэй Чанлин чуть замер с палочкой в руке, покачал головой:

«Я не для себя...»

«Ладно, пойдём уже» - прервал его Хэ Чжэньшу, потянув за рукав. «Если захочешь чего-нибудь сладкого, потом купим. Сейчас нужно сначала найти доктора Бай».

«Доктора Бай?» - неожиданно вмешался торговец сахарными фруктами. «Вы про доктора Бай

Лянь из аптеки «Ваньжэньтан»?»

Хэ Чжэньшу удивлённо поднял голову:

«Да, именно! Вы знаете, где он живёт?»

«Вы ищете его, чтобы лечиться?» - спросил торговец, не отвечая сразу, и бросил внимательный взгляд на Пэй Чанлиня.

Пэй Чанлинь сегодня поднялся очень рано, потом вместе с Хэ Чжэньшу провёл полдня за торговлей на рынке — к этому времени он уже выглядел уставшим и бледным. Торговец с леденцами сразу заметил его болезненный вид и сказал:

«Если вы пришли лечиться, вот — идите прямо по этой улице, а потом на перекрёстке поверните налево. Там будет аптекарская лавка «Гуйюаньтан», у них хороший лекарь».

Он говорил, одновременно указывая рукой направление.

Хэ Чжэньшу и Пэй Чанлинь переглянулись.

«Но мы ищем именно доктора Бай» - спокойно ответил Хэ Чжэньшу. «Вы можете сказать, как пройти в «Ваньжэньтан»?»

«Эх, маленький шаловливый двойняшка, почему ты не слушаешь советов?» - покачал головой торговец. «Доктор Бай недавно влип в неприятности. Эти дни он вообще не принимает пациентов. Если вы придёте чуть позже, глядишь, и «Ваньжэньтан» уже не будет существовать. Почему вы так упорно хотите его найти?»

Хэ Чжэньшу не особенно удивился и уточнил:

«Вы говорите о деле с дочерью господина Лу?»

«А ты знаешь об этом?» - удивился торговец.

Конечно, Хэ Чжэньшу знал.

Господин Лу был одним из самых богатых людей в округе — даже когда Хэ жил в городе, он слышал о нём. У Лу была единственная дочь, с детства страдавшая тяжёлой астмой. Родители возили её к множеству лекарей, но никто не смог помочь.

Около трёх лет назад в Циншань прибыл доктор Бай Лянь — он называл себя потомком древнего врачебного рода и утверждал, что не существует болезни, которую он не смог бы вылечить. Лу пригласил его осмотреть дочь, и Бай действительно оказался искусным врачом:

уже после первого лечения состояние девушки заметно улучшилось.

В знак благодарности господин Лу помог ему открыть аптеку «Ваньжэньтан» в Циншань, чтобы тот мог там лечить людей.

С тех пор Бай Лянь не только вёл приём в аптеке, но и упорно искал способ полностью излечить болезнь дочери Лу. Однако недавно её состояние резко ухудшилось.

«Господин Лу уже объявил, - вздохнул торговец, - если доктор Бай в этот раз не спасёт его дочь, он закроет «Ваньжэньтан» и выгонит Бая из города. Сейчас доктору и самому не до чужих болезней. Послушайте моего совета — идите к другому врачу».

Хэ Чжэньшу сказал:

«То есть, дочь господина Лу всё ещё жива?»

«Конечно» - покачал головой торговец. «Но, похоже, ей осталось недолго».

В прошлой жизни девушка из семьи Лу всё же не смогла выжить.

Бай Лянь был изгнан из городка Циншань, скитался неподалёку от деревни Сяхэ и лишь тогда встретил Хэ Чжэньшу. Но случившееся тогда сильно надломило его: Бай Лянь потерял веру в себя и больше не хотел лечить людей.

Чтобы уговорить его заняться лечением Пэй Чанлиня, Хэ Чжэньшу приложил немало усилий.

Он задумался на мгновение, больше не стал расспрашивать торговца и, узнав точный адрес аптеки «Ваньжэньтан», повёл Пэй Чанлиня туда.

Они прошли всего несколько шагов, как Пэй Чанлин вдруг остановился и протянул Хэ Чжэньшу палочку с засахаренными ягодами.

«А?» Хэ Чжэньшу лишь теперь понял. «Это ты для меня купил?»

Пэй Чанлин кивнул и тихо спросил:

«Не любишь сладкое?»

Хэ Чжэньшу взял сахарные ягоды, слегка сжал губы...

Он и вправду не слишком любил сладкое. Те изысканные пирожные и сладости, которыми в городе так восхищались барышни и молодые господа, никогда не вызывали у него интереса.

Раньше бывало, кто-то, желая ему угодить, стоял в очереди по несколько часов, чтобы достать самые лучшие сладости в городе, а он, откусив всего один кусочек, чувствовал такую приторность, что не мог есть дальше.

Но сейчас...

Он слышал, что эта палочка с засахаренными ягодами стоит целых пять юаней — дороже обычной патоки. В их деревне, пожалуй, за целый год не удавалось попробовать такое лакомство ни разу.

А Пэй Чанлинь вот так просто взял и купил её для него.

Хэ Чжэньшу осторожно откусил одну ягоду. Мягкий боярышник, покрытый сахарной корочкой, растаял во рту, и приятная кисло-сладкая свежесть наполнила всё небо.

Она оказалась вкуснее любых сладостей, что он когда-либо пробовал.

«Вкусно, - глаза Хэ Чжэньшу засветились, - спасибо тебе».

Пэй Чанлин снова кивнул и тихо спросил:

«Теперь повеселел?»

Хэ Чжэньшу растерявшись, отвёл взгляд:

«Я ведь и не был грустным. Мы только что узнали, где живёт доктор Бай — я наоборот рад».

Пэй Чанлинь:

«Я не об этом».

Молодой супруг, похоже, совсем не умел прятать свои эмоции. С того момента, как он отказал управляющему Ху, он выглядел рассеянным и задумчивым. Очевидно, его решение далось ему нелегко — иначе он не выглядел бы таким задумчивым.

Пэй Чанлин это заметил — вот почему и купил сладость, чтобы немного его развеселить.

«Почему ты отказал тому Ху-гунваню?» - спросил он после короткой паузы, а потом тихо добавил: «Не подумай, я не заставляю тебя что-то делать».

Он сам не слишком разбирался в каллиграфии и живописи, но даже по его непрофессиональному взгляду было ясно — мастерство Хэ Чжэньшу было очень высоким. Ху-

гунвань был прав: продавать такие картины на зонтах — действительно пустая трата таланта.

Да и если человек может вот так просто заплатить семь лянов серебра, значит, работа художника в его лавке оплачивается немало.

Поэтому Пэй Чанлинь искренне не понимал, почему Хэ Чжэньшу отказался.

Хэ Чжэньшу помолчал немного, потом тяжело вздохнул:

«Потому что ту лавку я видел утром, когда мы шли по улице. Большинство картин, что у них выставлены — подделки».

Он сделал короткую паузу и добавил:

«Причём очень грубые подделки».

Управляющий Ху, конечно, называл себя торговцем живописью, но если говорить прямо — он был самым обычным торговцем фальшивками.

А ведь ещё когда Хэ Чжэньшу жил в городе, больше всего он презирал именно таких людей.

Эти торговцы подделками не только наживаются на фальшивых картинах, но и нередко переклеивают подписи, приписывая работы знаменитым мастерам, чтобы продать их дороже — подменяя истину ложью.

И самое возмутительное, что такие дела никто не расследует: народ молчит, чиновники не вмешиваются, и управы на них нет никакой.

То, что управляющий Ху действительно оценил живопись Хэ Чжэньшу, сомнений не вызывало — иначе он не заплатил бы так дорого за зонты. Но если бы тот согласился писать для его лавки, неизвестно, куда потом попали бы его картины и под чьим именем.

Для Хэ Чжэньшу каллиграфия и живопись с детства были не просто ремеслом, они были его увлечением, душевным делом. Он никогда не думал зарабатывать этим, а тем более помогать мошенникам.

«Тогда и не стоит соглашаться» - спокойно сказал Пэй Чанлинь, поняв его тревогу. «Если тебе неловко сказать ему прямо, можно завтра, когда вернёмся в деревню, через кого-нибудь передать Ху-гунваню, что муж велел тебе оставаться дома и не показываться на людях».

«Как же так можно?» - нахмурился Хэ Чжэньшу. «Люди подумают, будто ты человек холодный и жестокий».

«У меня и так нет хорошей репутации» - спокойно ответил Пэй Чанлинь. «Одним пятном больше, одним меньше — не страшно».

«Но всё же...» - Хэ Чжэньшу хотел что-то возразить, но запнулся, не зная, как убедить его.

«Но ведь ты уже взял серебро у этого хозяина Ху. Если не собираешься работать в его лавке, деньги нужно вернуть» - вновь сказал Пэй Чанлинь.

«Я знаю...» - Хэ Чжэньшу коснулся мешочка с деньгами, лежавшего у него в кармане.

После того как он положил туда несколько серебряных монет, мешочек стал ощутимо тяжелее — даже через одежду чувствовался его вес.

Это было настоящее искушение.

...Им и вправду сейчас очень не хватало денег.

Болезнь Пэй Чанлиня в прошлой жизни затянулась именно потому, что лекарства были слишком простыми и слабодействующими. Позже врач Бай Лянь прописал ему новый рецепт — каждое средство в нём стоило дорого, а один курс обходился в несколько раз дороже нынешнего лечения.

Так что даже если им удастся найти врача, остаётся вопрос — хватит ли у них денег купить лекарства и как надолго их хватит.

Кто-то предлагает честный способ заработать — вроде бы неплохая возможность.

Именно поэтому Хэ Чжэньшу всё время колебался и не мог решиться.

«Ты всегда такой беспокойный?» - вдруг остановился Пэй Чанлинь, в голосе его прозвучала усталая улыбка. «Хоть семья Пэев и небогата, но до нищеты ещё далеко. К тому же у меня есть кое-какие сбережения. Тебе не стоит так волноваться»

«Какие уж там сбережения?» - тихо перебил Хэ Чжэньшу. «Разве что те несколько лян серебра, что ты прячешь под кроватью. Думаешь, я не знаю?»

Пэй Чанлинь: «.....»

Этого даже старшая сестра не знает... Как он то узнал?!

«Об этом потом поговорим.»

Пэй Чанлинь тихо кашлянул, опустил взгляд и серьёзно посмотрел на стоящего перед ним человека:

«А-Шу, ты ведь просто притворяешься моим супругом. Тебе совсем не обязательно всё это делать».

Ему вовсе не нужно было заступаться за Пэя, когда кто-то за его спиной отпускал колкие замечания; не нужно было каждый день уговаривать его выходить на прогулку и греться на солнце; не нужно было ехать в незнакомое место, чтобы учиться торговать на рынке; и уж тем более не нужно было бегать по всему городу, разыскивая врача для него.

А тем более — ради денег соглашаться на то, чего самому не хочется.

«Я знаю, что, выйдя за меня, ты многое стерпел» - голос Пэй Чанлиня стал мягче, в нём зазвучала невиданная прежде теплота. «Я просто хочу, чтобы ты был счастлив».

Хэ Чжэньшу почти никогда не слышал, чтобы Пэй Чанлинь говорил с ним таким тоном. Он отступил на полушага, отвёл взгляд и пробормотал:

«Ты... ты чего вдруг так меня зовёшь? Противно же...»

Раньше Пэй Чанлин называл его так только при посторонних — чтобы создать видимость любящей пары.

А теперь, когда это прозвучало наедине, смысл этих слов был совсем другим.

И ощущение от них — тоже.

Это обращение сорвалось у него непроизвольно.

Когда Хэ Чжэньшу обратил на это внимание, Пэй Чанлин только тогда осознал, что сказал, и слегка смутился. Его взгляд дрогнул, в глубине глаз мелькнуло замешательство и растерянность, но он всё же удержал себя в руках.

«Разве я не могу так тебя называть?» - спросил Пэй Чанлин.

Хэ Чжэньшу не ответил — лишь опустил голову и слегка прикусил бамбуковую палочку от цукатов, а его уши постепенно окрасились в красный.

Пэй Чанлин, заметив, как всё больше заливаются краской кончики его ушей, немного засмутился, но всё же тихо, почти шёпотом, снова спросил:

«Я правда не могу так тебя называть?»

<http://bllate.org/book/14476/1280775>